

А. М. Ранчин
Святополк Окаянный:
установление отцовства

Происхождение Святополка Окаянного ещё с середины позапрошлого столетия является предметом дискуссий среди историков, хотя Повесть временных лет как будто бы называет Святополковым отцом Ярополка, а не Владимира, взявшего себе на ложе Ярополкову жену после убийства её мужа, а Сказание об убиении Бориса и Глеба сообщает об отцовстве Ярополка уже очевидным образом. И лишь в одном древнерусском памятнике — Чтении о Борисе и Глебе Нестора, также содержащем подробные сведения о «втором Каине», об отцовстве Ярополка ничего не говорится и родителем убийцы Бориса и Глеба назван Владимир.

Тем не менее ещё С. М. Соловьёв посчитал Святополка родным сыном Владимира¹. Текстологические аргументы в пользу версии о недостоверности известий Повести временных лет о Ярополке и его жене — расстриженной греческой монахине как о родителях Святополка привел примерно спустя сто лет Н. Н. Ильин. Он заметил, что эти известия, содержащиеся в статьях под 6485 и 6488 гг., являются интерполяциями, нарушающими связность летописного текста². Недавно вставками признал эти сообщения и Л. Мюллер³. Л. Мюллер полагал, что древнерусский летописец — автор вставки о Святополке и его отце и матери — смешал русского князя с его польским тезкой княжичем Свентепульком,

---

¹ См.: Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. (Т. 1–2). С. 206.

² Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и её источник: (Опыт анализа). М., 1957. С. 193–194.

³ Müller L. 1) Studien zur altrussische Legende der Heiligen Boris und Gleb (5): Die Quellen der chronikerzählung: I. Die Erzählung über die Geburt Svatopolks von einer griechisher Nonne // Zeitschrift für Slavische Philologie. Heidelberg. 2004. Bd. 63. Heft. 1. S. 23–49; 2) Studien zur altrussische Legende der Heiligen Boris und Gleb (6): Die Namenlisten der Söhne Vladimirs in den Chronikartikeln über die Jahre 980 und 988 und im «Skazanie» über Boris und Gleb // Zeitschrift für Slavische Philologie. Heidelberg. 2008. Bd. 65. Heft. 1. S. 1–23.

чьей матерью была, действительно, расстриженная монахиня — дочь маркграфа Тидриха. (Свентепульк и Святополк состояли в свойстве, так как сводный брат Свентепулька Болеслав был тестем русского князя.) Соответственно, Святополк, как рождённый монахиней, нарушившей обет, представал исчадием греха — истоки совершённого Святополком братоубийства обнаруживались будто бы ещё в обстоятельствах, связанных с его зачатием и появлением на свет. Однако это смелое предположение недоказуемо. А историк С. М. Михеев убедительно показал, что известие Повести временных лет под 6488 г. о беременности матери Святополка⁴ следует понимать скорее как указание на отцовство Владимира, а не Ярополка; в древнерусском оригинале написано: «Володимеръ же залеже жену братьню Грекиню. и бѣ непрадна»⁵, это высказывание означает дословно: «Владимир же стал спать с женой брата, гречанкой, и она забеременела»⁶. Автор же Сказания об убиении Бориса и Глеба понял эту летописную фразу как указание на отцовство Ярополка, а не Владимира и потому написал, что Владимир взял Ярополкову жену уже беременной Святополком. Автору Сказания «было выгодно обелить Владимира, не признав его отцом окаянного Святополка»⁷. Мысль, что происхождение Святополка от Ярополка («от двух отцов» и от матери, нарушившей монашеский обет) — «не более чем агиографический мотив», призванный дискредитировать «второго Каина» и разорвать «порочашую» родственную связь между ним и крестителем Руси, была высказана и польским историком А. Поппэ⁸. Но в противоположность С. М. Михееву А. Поппэ считает житийный текст известия о рождении Святополка от Ярополка первичным по отношению к летописному. И Л. Мюллер, и С. М. Михеев, и А. Поппэ, усомнившись также в рождении Святополка гречанкой — бывшей монахиней, предположив, что в действительности ею была «чехиня» — одна из жен Владимира, названных в летописной статье под 6488 г. (в известной нам версии этой статьи «чехине» приписано рождение только одного сына от Владимира — Вышеслава).

⁴ С. М. Михеев вслед за Н. Н. Ильиным считает оба известия о гречанке — жене Ярополка — они сделаны, по его мнению, в 1090-х годах при составлении так называемого Начального свода, а в более ранних сводах — Древнем сказании (1016–1018 гг.) и своде Никона (около 1078–1079 гг.) — этих известий ещё не было. См.: *Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. (Славяно-германские исследования. Т. 6). С. 203, ср. реконструкцию Древнего сказания со вставками свода Никона: Там же. С. 225.*

⁵ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 78, л. 25.

⁶ *Михеев С. М. «Святополкъ съде въ Киевѣ по отци». М., 2009. (Славяно-германские исследования. Т. 4). С. 84.*

⁷ Там же. С. 85.

⁸ *Поппэ А. Владимир Святой: У истоков церковного почитания // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 1 / Под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. М., 2008. С. 36, прим. 33; см. подробнее в статье: Поппэ А. К биографии Святополка Окаянного // История: дар и долг: Юбилейный сборник в честь А. В. Назаренко / Ред. Н. Лисовой. СПб., 2010. С. 234–238.*

Остановлюсь сначала на текстологических аргументах сторонников версии об отцовстве Владимира. Известие о жене Ярополка, действительно, разрывает целостный текст летописной статьи о распре между Святославичами: «И погребоша Ольга на мѣстѣ оу города Вручюга. и есть могила его и до сего д(ь)не оу Вручюга. и прия власть его Ярополкъ. оу Ярополка же жена Грекини бѣ. и бяше была черницею. бѣ бо привель о(ть)ць его С(вя)тославъ. и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея. слышавъ же Володимѣрь в Новѣгородѣ. яко Ярополкъ оуби Ольга. оубоявся бѣжа за море. а Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ. и бѣ володѣя единъ в Руси»⁹.

Сообщение о гречанке в этом фрагменте явно неуместно.

В случае с известием о Владимире, о гречанке и о рождении ею Святополка вставной характер весьма вероятен, но не абсолютно бесспорен: «и приде Ярополкъ къ Володимеру. яко полѣзе въ двери. И подѣяста и два Варяга мечьми подѣ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. и тако оубьенъ быс(ть) Ярополкъ. [Варяшко же видѣвъ яко оубьенъ быс(ть) Ярополкъ] бѣжа съ двора в Печенѣги и [много воева Володимера с Печенѣгы] одва приваби и. заходивъ к нему ротѣ. Володимеръ же залеже жену братьню. Грекиню. и бѣ непрадна. *от* нея же родися С(вя)тополкъ. *от* грѣховнаго бо корени золь плодъ бываетъ. понеже бѣ была м(а)ти его черницею. а второе Володимеръ залеже ю. не по браку прелюбодѣи быс(ть) оубо. тѣмъ и о(ть)ць его не любяше. бѣ бо *от* двою о(ть)цю. *от* Ярополка и *от* Володимера. посемъ рѣша Варязи Володимеру. се града нашъ. и мы приѣхомъ е. да хотимъ имати окупъ на них. по 2 гривнѣ *от* чловѣка»¹⁰.

Несомненно, известие о недовольстве варягов и об их требованиях логически должно следовать за рассказом о захвате власти Владимиром, которому эти скандинавы помогали. Однако в данном случае перед летописцем стояла задача синхронизировать рассказ о перипетиях прихода Владимира к власти и сообщение о его новом браке: ведь всё это события одновременные. Конечно, летописцу было бы логичнее поместить известие о гречанке и её сыне после сюжета о варяжских притязаниях, однако повествование о варягах охватывает довольно значительный временной промежуток, и потому нельзя полностью исключить, что книжник поместил его раньше, стремясь избежать анахронизма, отрыва от момента захвата власти — избежать в ущерб связности повествования. Тем не менее, версия о вставном характере известия представляется всё же предпочтительной — тем более что оно семантически связано с известием о женитьбе Яро-

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75, л. 23 об; ср.: ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 63, л. 23 об, ПСРЛ. Т. 3. Новгородская летопись старшего и младшего извода. М., 2000. С. 125, л. 42 (младший извод, текст Комиссионного списка).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78, л. 24 об.–25 в квадратных скобках — чтения из Радзивиловского и Московско-Академического списков, утраченные в Лаврентьевском списке.

полка на гречанке, которое уже бесспорно является не очень удачной интерполяцией. Так что есть основания считать: оба фрагмента принадлежат перу одного и того же редактора.

Насколько определенно известие Повести временных лет под 6488 г. указывает на отцовство Ярополка? В летописном известии о беременности «грекини» (как и в его переводе, предложенном С. М. Михеевым) отцовство Владимира прямо не названо. В летописном тексте представлена сочинительная, а не подчинительная синтаксическая связь: строго говоря, высказывание можно понять лишь как указание на то, что беременность гречанки *обнаружилась*, только когда она уже была взята в гарем Владимира¹¹. К тому же неясно, почему Владимир сомневался в том, что Святополк его сын, если гречанка забеременела только после того, как новый князь взял её к себе на ложе.

Интересно, что польский хронист Ян Длугош, работавший с текстом Повести временных лет, понял это известие как однозначное указание на отцовство Ярополка: «Не довольствуясь княжествами, добытыми [ценой] братской крови, он даже жену Ярополка, гречанку по происхождению, беременную тогда от Ярополка, взял в супруги, от которой родил сына Святополка, имевшего двух отцов — Ярополка и Владимира»¹².

Впреки мнению А. Поппэ, летописное известие, конечно же, первично по отношению к сообщению о Святополке и его родителях в сказании об убиении Бориса и Глеба¹³ — агиограф в отличие от летописца прямо называет Ярополка

¹¹ Сочинительная связь с союзом *и* в церковно-славянском языке может выражать и одновременность, и последовательность событий, и причинно-следственные отношения; ср.: *Алптий (Гаманович), иеромонах*. Грамматика церковно-славянского языка. М., 1991. (Репринтное воспр. изд.: Jordanville, 1964). С. 228.

¹² *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской хронике» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Под ред. и с доп. А. В. Назаренко. М., 2004. С. 229. Впрочем, не очень ясно, является ли фрагмент Длугоша просто толкованием известия Повести временных лет, или польский историограф мог быть знаком и с версией об отцовстве Ярополка, отразившейся в Сказании об убиении Бориса и Глеба. Основным, если не единственным письменным древнерусским источником для описания событий русской истории первых веков для него, видимо, был текст Повести временных лет в редакции, отразившейся в Ипатьевской летописи; см. мнение Б. М. Клосса: *Клосс Б. М., Щавелева Н. И.* Вступительная статья // Там же. С. 47, о других летописных источниках Длугоша см.: Там же. С. 51–52.

¹³ Эта первичность летописного известия под 6488 годом несомненна независимо от того, является ли основная часть текста Сказания, повествующая об убиении Святополком Бориса и Глеба, источником летописной повести об убиении Бориса и Глеба, входящей в статью 6523 года (как считает А. Поппэ или же летописная повесть составляет ядро Сказания. Моя гипотеза изложена в работах: *Ранчин А. М.* 1) К вопросу о текстологии Борисоглебского цикла // *Ранчин А. М.* Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. 60). С. 55–62 (здесь же изложение существующих текстологи-

Святополковым отцом: «Сего м(а)ти преже бѣ чърницею. гръкыни соущи и по-
яль ю бѣ Яропѣлкъ братъ Володимиръ. и роуригъ ю красоты дѣля лица ея. и
зача отъ нея сего С(вя)топѣлка оканънааго. Володимиръ же поганѣй ещѣ оубивъ
Яропѣлка. и поять женоу его непраздъноу соущю. отъ нея же родися сии оканъ-
ныи С(вя)топѣлкъ. и бысть отъ дѣвою [отъ]цю и братоу соущю. тѣмъ же и не
любляше его Володимиръ. акы не отъ себе емоу соущю»¹⁴. Показательны такие
высказывания, как «Володимиръ <...> поять женоу его (Ярополка. — *А.Р.*) не-
праздъноу соущю» и «тѣмъ же и не любляше его (Святополка. — *А.Р.*) Володи-
миръ. акы не отъ себе емоу соущю».

Идея А. Поппэ, что приписывание древнерусскими книжниками проис-
хождения Святополка не от Владимира, а от его брата Ярополка диктовалось
стремлением обелить крестителя Руси идеализирующей агиографической
установкой, остаётся недоказанной¹⁵. Лейтмотивом, «тематических клю-

---

ческих концепций); 2) Ещё раз о канонизации Бориса и Глеба и о текстологии памятников
Борисоглебского цикла (Обзор исследований последних лет) // *Ранчин А. М.* Древнерус-
ская словесность и её интерпретации: Маргиналии к теме. Saarbrücken, 2011. С. 147–194.

¹⁴ Успенский сборник XII–XIII вв / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ля-
пон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 43, л. 8в. Ср. чтения других списков: *Revelli G.*
Monumenti letterari su Boris e Gleb. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova,
1993. Р. 116–121.

¹⁵ Польский историк склонен рассматривать также практически все известия Сказания
об убиении Бориса и Глеба и летописной повести 6523 г. как агиографические трафареты,
как примеры мифа и вымысла. Например, это известие об убийцах святых братьев: среди
них «нет правоверных христиан: вышгородцы с чуждыми прозвищами (Ляшко, Талец);
Бориса добивают охваченные “латынской буестью” варяги, Глеба *закла его агня* нехристь
Торчин». — *Поппэ А.* К биографии Святополка Окаянного. С. 235: ср.: *Поппэ А.* Земная ги-
бель и небесное торжество Бориса и Глеба // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 316–317. Однако
в восточнославянском происхождении главных приспешников Святополка, названных в
обоих памятниках, — предводителя убийц Бориса Путьши, равно как и Горясева, прика-
зывающего лишить жизни Глеба, сомневаться не приходится. О конфессиональной при-
надлежности остальных тексты ничего не сообщают. Служба варягов в дружинах русских
князей этого времени — заурядное явление. А. Поппэ, доказывая, что в древнерусском
сознании начиная с 1060-х годов сформировалась оппозиция варяг - (православный) хри-
стианин, ссылается на сказание о Шимоне-Симоне в Киево-Печерском патерике (*Поппэ А.*
Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба. С. 317, прим. 29). Однако это сказа-
ние составлено в 1220-х годах.

Повар Глеба Торчин (то есть принадлежащий к тюркскому племени торков), скорее
всего, язычник. Не исключено, что посланцы Святополка могли действительно поручить
убийство князя, особенно тяжкое преступление, «чужому» — инородцу и иноверцу. Для
сравнения: из позднейшей летописной повести об ослеплении Василька Тербовльско-
го (Повесть временных лет под 6605 г.) известно, что исполнителем преступления стал
также инородец, тюрк Берендей; как можно понять, это не случайность — скорее, он
был избран на эту роль, и исполнение убийства или ослепления князя именно инородцем
(и иноверцем?) имеет едва ли не ритуализованный характер.

чом»¹⁶ в Сказании об убиении Бориса и Глеба, действительно, является тема Божьего благословения, даруемого роду праведных: ««Родъ правыхъ бл(а)гословить ся рече прор(о)къ. и сѣмя ихъ въ бл(а)гословении боудеть»¹⁷. Однако в Чтении Нестора все сыновья Владимира (к их числу отнесен не только Святополк, но даже Ярослав Мудрый, именуемый в других местах этого жития боголюбцем и представленный хранителем памяти о святых братьях и главным инициатором их церковного почитания¹⁸) противопоставлены Борису и Глебу как «темные» «светлым»: Борис и Глеб среди остальных сыновей Владимира «такъ свѣтящся, акы двѣ звѣздѣ свѣтлѣ посрѣдѣ темныхъ»¹⁹. Получается, что десять из двенадцати сыновей крестителя Руси не стяжали божественной благодати — но это нисколько не дискредитирует их равноапостольного отца.

Рождение несправедливого сына у праведного властителя, пусть и уклонявшегося от истинной веры, — инвариантный мотив исторических книг Ветхого Завета, из которых он был заимствован византийскими хрониками, прекрасно известными древнерусским книжникам, в том числе составителям ранних летописей. Так, Ровоам, сын Соломона, внук Давида, «сътвори лукавое пред Богомъ, и не ходи по путемъ отца своего Давида». После него в Иудее царствовал его сын Авия (Авиа), «и не бѣ сердце его исполнено къ Господу Богу его, якоже бѣ Давидово, отца его»²⁰. Так же после святого равноапостольного царя Константина Великого правил его сын Констанций, который уклонился в арианство²¹. Грехи

Имена людей Святополка — вовсе не мифичны, видимо, они сохранены устной памятью, и этот факт свидетельствует в пользу исторической достоверности летописной повести и Сказания. На это обратил внимание А. В. Назаренко в устном высказывании о концепции С. М. Михеева; С. М. Михеев приводит его в своей книге: *Михеев С. М.* «Святополкъ сѣде въ Киевѣ по отци». С. 243, прим. 369.

¹⁶ Выражение Р. Пиккио: *Пиккио Р.* *Slavia Orthodoxa: Литература и язык.* / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; Ред. М. М. Сокольская. М., 2003. С. 449–450, 485.

¹⁷ Успенский сборник. С. 43, л. 86. Цитируемый текст — реминисценция из Псалтири (Пс. 111: 2).

¹⁸ О том, почему Ярослав Мудрый парадоксальным образом был помещен в ряд «темных», см.: *Ранчин А. М.* К интерпретации историко-богословского введения в «Чтении о Борисе и Глебе» преподобного Нестора // *Книжность и книжники Древней Руси: Макариевские чтения. Вып. 17: Материалы XVII научной конференции памяти святителя Макария. Можайск, 2010.* С. 338–347

¹⁹ *Revelli G.* Monumenti letterari su Boris e Gleb. P. 619.

²⁰ Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1. Текст / Основ. список подг. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой; Вступ. ст., археографич. обзор и критич. аппарат изд. подг. О. В. Твороговым. С. 15, 16, л. 5а–5б. Ср. то же: в Хронике Георгия Амартола: *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1. Текст. С. 153. Первоисточник: 3 Цар. 11–15.

²¹ Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. С. 307, л. 159г. Ср.: *Истрин В. М.* Книги вре-

и нечестивость сына в этих случаях не вменяются в вину родителю. Соответственно, они, по средневековым представлениям, вообще совершенно не обязательно бросают тень на отца. Поэтому измышлять Святополку другого отца вместо Владимира у древнерусских книжников не было особой необходимости. В семье, как известно, не без уroda.

Сторонники версии о недостоверности сообщения о Ярополке как отце Святополка придают особое значение тому факту, что Нестор в Чтении о Борисе и Глебе ничего не сообщает об отцовстве Ярополка и прямо называет Владимира отцом «нового Каина». Особое значение придает молчанию Нестора А. Поппэ²². Однако, как я уже отмечал выше, Нестора вообще не интересуют детали, связанные с различиями между сыновьями Владимира, которые все вместе противопоставлены святым Борису и Глебу. Кроме того, будучи усыновлен Владимиром, Святополк, естественно, и считался его сыном²³. И наконец, совершенно непонятно, почему в данном случае сторонники версии об отцовстве Владимира опираются на текст Несторова жития, тогда как в других случаях они признают его известия недостоверными²⁴.

Вставной, относительно поздний характер известий о матери Святополка в летописи ещё не является доказательством их недостоверности: историческая память могла долгое время хранить сведения о Святополковом происхождении. Интересно, что А. Поппэ, один из наиболее убеждённых сторонников версии о Святополке — сыне Владимира, вольно или невольно признает древность, историческую глубину известия об отцовстве Ярополка, когда замечает, что «Нестор-агиограф «вовсе отказался от *ходячего анекдота* (курсив мой. — А.Р.)

меньшья и образья Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в славяно-русском переводе. С. 357.

²² Поппэ А. К биографии Святополка Окаянного. С. 238.

²³ Ср.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 255. По этой же причине нельзя согласиться и с аргументами С. М. Михеева, утверждающего, что об отцовстве Владимира свидетельствует современник Владимира и Святополка немецкий хронист Титмар Мерзебургский, называющий Святополка сыном Владимира и братом Ярослава Мудрого. Михеев С. М. «Святополкъ сѣде въ Киевѣ по отци». С. 86. (Кроме того, Титмар пользовался в своих русских известиях вторичными сведениями.) Так же ни о чём не говорит и четырёхкратное именование Святополка в Повести временных лет сыном Владимира.

²⁴ Так происходит прежде всего с известием о том, что Глеб по малолетству ещё не был возведен на княжение, жил при отце в Киеве и был убит людьми Святополка во время бегства из Киева вверх по Днепру. Стоит напомнить, что текст Нестора вообще пестрит уникальными сообщениями. Помимо спорного чтения о княжении Бориса во Владимире-Вольинском это информация о «замирении» Борисом во время похода неких городов и свидетельство, что Святополк потерял княжение вследствие некоего мятежа (о войне его с Ярославом Мудрым, одолевшим «нового Каина», Чтение умалчивает).

с красавицей гречанкой»²⁵. Просто при определённых условиях, в ситуации, когда установилось почитание Бориса и Глеба и окончательно сложилась репутация их убийцы, устная (или зафиксированная в не дошедших до нас текстах) традиция могла актуализироваться и стать достоянием летописания и агиографии.

Но приверженцы гипотезы о рождении Святополка от Владимира идут ещё дальше, отрицая не только отцовство Ярополка, но и материнство (если не существование) его жены-гречанки — бывшей монахини. Матерью Святополка они считают «чехиню» — одну из жен Владимира, по-видимому первую²⁶. Л. Мюллер и А. Поппэ высказываются об этом достаточно осторожно, опираясь на свидетельства западнославянского княжеского ономастикона, в котором часто встречается имя Святополк²⁷. А. Поппэ²⁸ оспаривает мнение А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, считающих, что наречение имени Святополку Окаянному диктовалось стремлением соотнести его с именами деда — воинственного *Свято-слава* и родного отца — *Яро-полка*²⁹. Как замечает польский исследователь, в этом случае получается абсурд: отчим Владимир, нарекая такое имя пасынку, сознательно легитимизировал права Святополка как сына свергнутого Ярополка на киевский престол, демонстрируя собственную нелегитимность и отказывая родным сыновьям в праве на киевское княжение³⁰. Однако подобная ситуация

²⁵ Поппэ А. К биографии Святополка Окаянного. С. 238.

²⁶ Предположение о том, что она была первой из жен Владимира, проистекает из того факта, что Повесте временных лет в перечне сыновей князя под 6496 г. именуется Вышеслава старшим из Владимировых сыновей, а под 6488 г. называет матерью Вышеслава «чехиню».

²⁷ Müller L. Studien zur altrussische Legende der Heiligen Boris und Gleb (5). S. 33; Поппэ А. К биографии Святополка Окаянного. С. 237, прим. 8.

²⁸ Там же. С. 237–238.

²⁹ См.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Варьирование родового имени на русской почве // Именослов. [Вып. 1]. М., 2003. С. 154–156

³⁰ Любопытно, что А. Поппэ, оправданно отрицая возможность выдвижения Владимиром младенца Святополка в качестве главного своего наследника, считает тем не менее, что христианское имя княжича Пётр было наречено в память о болгарском царе Петре и наречение имени имело особенный смысл: отец Владимир и мачеха Анна (её историк считает матерью Бориса и Глеба) якобы хотели возвести Святополка-Петра на болгарский престол, дабы избавить Бориса и Глеба от конкурента и обеспечить им верховную власть на Руси. Неясно, почему именно Святополк мог рассматриваться как главный конкурент Борису и Глебу: ведь он не был старшим из сыновей Владимира (летопись прямо называет старшим Вышеслава), к тому же, если Борис и Глеб были детьми Анны, они оказывались среди самых младших сыновей князя, и их соперниками являлись, например, также Ярослав Мудрый или Мстислав. Если же принцип старшинства при наследовании престола в то время ещё не утвердился, всё равно непонятно, почему Владимиру и Анне следовало опасаться именно и только притязаний Святополка на власть в Киеве. Такие опасения были бы оправданны лишь в случае, если бы принцип старшинства уже был юридической нормой, а Святополк являлся родным сыном Ярополка и помнил об этом. Впрочем, если

возникла бы, только если в то время на Руси сложились определенные принципы престолонаследия, основанные на преимуществе сына старшего брата перед сыновьями младшего. Между тем само существование принципа старшинства до 1054 г. недоказуемо³¹. Таким образом, не очевидно, что выбор имени диктовался в то время династическими планами (неочевидность этого признает и сам А. Поппэ, возводя имя Святополка к западнославянской традиции, а не к древнерусским прецедентным именам). Убивший брата Владимир мог рассматриваться как законный правитель по праву силы, победы; нарекая Святополка во имя родного отца, он мог стремиться как раз к заглаживанию памяти о братоубийственной вражде (отпрыск свергнутого и заколотого Ярополка усыновлен новым князем, сделан *своим*) и одновременно к отделению пасынка от родных сыновей. Имена Ярополк и Святополк в древнерусском княжеском ономастиконе соотносились, позднее их давали князьям-братьям: известны четыре пары таких князей³². Даже если имя было выбрано Святополку под влиянием западнославянской традиции, как считает А. Поппэ, такой выбор требует объяснения, тем более что в древнерусском контексте оно, по-видимому, стало перекликаться с именем Ярополка: об этом свидетельствует позднейшая традиция «парного» наречения этих имен князьям-братьям. Владимир при выборе имени

считать Бориса и Глеба сыновьями Владимира и Анны, старший из них мог родиться не ранее 990 г. (ср.: *Поппэ А.* Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба. С. 309), а Святополка, как и других детей, Владимир должен был крестить ещё до этого – сразу после принятия Русью христианства, то есть, видимо, не позже 989 (эту дату обосновывает, в частности, А. Поппэ; см., например: *Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (руско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1989. С. 202–224). Таким образом, никаких планов относительно престолонаследия для своих детей у князя и княгини при крещении Святополка попросту и быть не могло — из-за отсутствия этих детей. Ни на чём не основано и предположение, что брат Анны император Василий II собирался сохранить болгарский трон после покорения этой страны.

Вообще же, княжеский именованье времени Владимира дает весьма противоречивые основания для заключений о династических планах киевского правителя. Так, М. Д. Приселков, опираясь на крестильные имена Бориса и Глеба — Роман и Давид (Давыд), полагал, что они даны в честь представителей Западно-Болгарской династии (*Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 28; ср.: *Молчанов А. А.* Владимир Мономах и его имена (К изучению княжеского именованья Рюриковичей X–XII веков) // Славяноведение. 2003. № 2. С. 82; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 477–478, 520–521), в то время как А. Поппэ ищет у этих имен византийские корни (*Поппэ А.* Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба. С. 309–310).

³¹ Ср. обзор точек зрения в моей книге: *Ранчин А.* Борис и Глеб. М., 2013. (Серия «Жизнь замечательных людей». Вып. 1630 [1430]). С. 123–132.

³² См.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 49–51.

новорождённому пасынку не мог не учитывать особенных коннотаций имени — ассоциаций с именем его вероятного родного отца, но решился это сделать, ибо переключка имен вовсе не обязательно предполагала указание на властную преемственность.

Даже тождество княжеских имен в ранней древнерусской истории, очевидно, не предполагало сходства судеб (в том числе наследование одного престола). Весьма красноречивый пример — позднейшая судьба имени Святополка Окаянного. Имя Святополк встречается в древнерусском княжеском именовании даже у князей, живших в первой (Святополк Мстиславич) и во второй половине двенадцатого столетия (Святополк Юрьевич)³³, несмотря на то, что к этому времени Святополк Окаянный был заклеимен прозвищем «второго Каина», а его жертвы Борис и Глеб уже много десятилетий почитались как святые. Под 1173 г. в Ипатьевской летописи упомянут галицкий боярин Святополк³⁴ — быть тезкой «нового Каина» ему тоже не было зазорно. «<...> Косвенная вина в гибели братьев (участие в распре с ними) с точки зрения родовой традиции, по-видимому, не могла быть причиной исключения князя из семейной истории, не могла сделать запретным воспроизведение его имени. Подобный конфликт в рамках родовой практики был делом более или менее обычным и ещё мог подлежать разрешению и, в определённом смысле, забвению <...>»³⁵.

Таким образом, имянаречение Святополка Окаянного если и не говорит однозначно в пользу отцовства Ярополка, то *может* об этом говорить.

Особая концепция, посвящённая интерпретации известий о происхождении Святополка, принадлежит И. Н. Данилевскому; развивает её С. М. Михеев. И. Н. Данилевский сообщение летописи и Сказания об убиении Бориса и Глеба, что матерью Святополка была гречанка-монахиня, объясняет желанием древнерусских книжников уподобить Святополка врагу самого Бога и посланнику Сатаны — Антихристу. Они якобы ориентировались на известия авторитетного памятника, повествующего о событиях перед Концом света — переведённого с греческого Откровения Мефодия Патарского, где сообщалось, что матерью Антихриста будет именно монахиня³⁶.

Под 6488 г. Повесть временных лет сообщает о двенадцати детях Владимира — о десяти сыновьях и о двух дочерях: «бѣ же Володимеръ побѣженъ похотью женскою. и быша ему водимыя Рогнѣдь <...> от нея же роди .4. с(ы)ны. Изеслава. Мьстислава. Ярослава. Всеволода. а .2. тчери. от Грѣкине С(вя)

³³ Об этом напомнил А. Ю. Карпов: *Карпов А. Ю.* Ярослав Мудрый. С. 539, прим. 17.

³⁴ См.: ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 564.

³⁵ *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 50, прим. 35.

³⁶ *Данилевский И. Н.* «Повесть временных лет»: Опыт герменевтического прочтения летописного текста. М., 2004. С. 179.

тополка. от Чехинѣ. Вышеслава. а от другоѣ. С(вя)тослава. и Мьстислава. а от Болгарыни Бориса и Глѣба»³⁷.

Под 6496 г. летопись называет уже двенадцать детей князя — только сыновей: «бѣ бо оу него с(ы)н(о)въ. 12. Вышеславъ. Изяславъ. Ярославъ. С(вя)тополкъ. Всеволодъ. С(вя)тославъ. Мьстиславъ. Борисъ. Глѣбъ. Станислав. Позвиздъ. Судиславъ»³⁸.

Точность и полнота обоих перечней, действительно, сомнительны. Безусловно, у женолюбивого Владимира сыновей было не десять или двенадцать, а больше, и дочерей не две. Немецкий хронист Титмар Мерзебургский со слов очевидцев записал: когда 14 августа 1018 г. Святополк и его тесть польский князь Болеслав вошли в Киев после победы над Владимировым сыном Ярославом Мудрым, в соборе Святой Софии его встретили русский архиепископ, мачеха Ярослава и девять его сестер³⁹.

Вызывает сомнения и существование двух тезок — Мстиславов (один из них якобы сын Рогнеды, другой — безымянной матери). В некоторых списках Повести временных лет под 6488 г. имя второго Мстислава заменяется на имя Станислава⁴⁰. А. А. Шахматов плодом домыслов летописца считал даже соотношение сыновей Владимира с их матерями.

Принято считать, что летописец как бы сравнивал Владимира с ветхозаветным патриархом Иаковом, у которого тоже было двенадцать сыновей, ставших прародителями двенадцати колен (племен) древнего Израиля⁴¹. И Владимир, и Иаков были младшими братьями, но оба приобрели всю власть своих отцов. В этом уподоблении нет ничего необычного: средневековое сознание осмысляло историю как повторение, варьирование библейской парадигмы — событий-образцов, заключённых в Священном Писании. Недавнее прошлое и настоящее — это «эхо» событий священной истории, и, чтобы верно понять происходящее, надо найти для него прецеденты-прообразы. Так, князь Владимир соотносён в Повести временных лет не только с праотцем Иаковом, но и с израильским и иудейским царем Соломоном: Соломон воздвиг великий Иерусалимский храм, а русский правитель — грандиозную Богородичную Десятинную церковь, оба были похотливы, но Владимир, крестившись, победил в себе похоть.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Стб. 79–80, л. 25 об.

³⁸ Там же. Стб. 121, л. 42.

³⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. 4. Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М., 2010. С. 81.

⁴⁰ См. об этом подробнее: *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах; СПб., 2002. С. 107, прим. 1.

⁴¹ *Петрухин В. Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 84.

И. Н. Данилевский и С. М. Михеев убеждены, что по модели перечня сыновей Иакова в ветхозаветной Книге Бытия (глава 45, стихи 22–26)⁴² построен весь список жен и детей Владимира под 6488 г. Но если у библейского праотца двенадцать сыновей, то у русского князя в этом перечне десять сыновей и две дочери — всего тоже двенадцать детей⁴³. Почти сходно количество детей у каждой из жен Иакова и Владимира: у Иакова — шесть сыновей от Лии, два от рабыни Валы и два от рабыни Зелфы, двое — младшие Иосиф и Вениамин — от жены Рахили; у Владимира — шесть детей (четыре сына и две дочери) от Рогнеды, по двое — от «болгарыни» (Борис и Глеб) и от неназванной супруги, лишь от «чехини» и гречанки-расстриженной черницы — по одному. От чешской супруги рожден Вышеслав, от гречанки — Святополк. Это единственное количественное несоответствие библейскому перечню: у Иакова жен и наложниц четыре, у Владимира, при том же числе детей, — пять. По мнению Л. Мюллера и С. М. Михеева, перечень подвергся редактуре, дабы отделить нечестивца Святополка от других братьев и приписать ему происхождение от расстриженной монахини; в первоначальной версии сообщалось, что матерью Святополка, как и Вышеслава, была «чехиня»⁴⁴. В исконном же виде этот список будто бы точно соответствовал библейскому образцу.

Но эта изящная реконструкция не очень прочна. Во-первых, число детей Владимира от Рогнеды в летописном тексте под 6488 г. соответствует числу сыновей Иакова от Лии только благодаря включению в летописный перечень двух не упомянутых по имени дочерей русского князя, а «эквивалентность» сыновей дочерям для книжников стародавней эпохи, когда царили гендерное неравенство и «мужской шовинизм», вызывает большие сомнения. Во-вторых, в летописном перечне под 6488 г. не названы двое сыновей Владимира, упомянутые в Повести временных лет ниже, под 6496 г.: Станислав и Позвизд. Почему эти княжичи не упомянуты в статье 6488 г., неясно. А ведь только благодаря этой «дыре», зияющей лакуне, список под 6488 г. и состоит из двенадцати, а не из четырнадцати детей князя. Следование летописца библейскому образцу остается недоказанным. В-третьих, книжники-редакторы должны были, вероятно, прекрасно осознавать содержащиеся в тексте символические структуры — если такие элементы в нём действительно были — и, по возможности, оберегать их от разрушающей правки. Но, кстати сказать, если рождение Святополка приписал гречанке только

⁴² Данилевский И. Н. «Повесть временных лет». С. 169–174; Михеев С. М. «Святополк сѣде въ Киевѣ по отци». С. 61–63; по мнению С. М. Михеева, непосредственным источником послужила не сама Книга Бытия, а какой-то переведенный с греческого хронограф.

⁴³ Данилевский И. Н. «Повесть временных лет». С. 169–174; Михеев С. М. «Святополк сѣде въ Киевѣ по отци». С. 60–68.

⁴⁴ Müller L. Studien zur altrussische Legende der Heiligen Boris und Gleb (5). S. 33–35; Михеев С. М. «Святополк сѣде въ Киевѣ по отци». С. 65–68.